

Еще здесь от тебя слышал, что говорили о Первой книге – «искусство XXI в.». Может быть и так. Я бы предпочел: «для XXI в., чтобы он состоялся».

Увы, не ведаю, что писали, что говорили потом. Наверное, уже сложилось «лаптеведение».

Внес бы и я в него свою «лепту»: если бы «анализировал» как «художество», обратил бы внимание на такие микро- и макронаходки, изобретения, на которые не обращают внимание те, у кого глаз ориентирован «обыденным сознанием». Сколько их! Можно было бы вызвездить новое небо.

Ты впервые объяснил необъяснимость, нереальность чуда. И теперь могу с уверенностью сказать: написанное тобой – чудо. И сам ты – чудо. Не упустил ли ты возможность рассмотреть чудесность Бога? Бог как чудо.

Прости, пишу второпях. Максим собирает вещи. Буду с нетерпением ждать его возвращения еще и потому, что узнаю о тебе, об Оле, о дочери. Помню их очень. Сердечные приветы им и мою нежность.

Обнимаю. Твой Карл. 8 авг. 88 г.

Надпись Александра Зиновьева на письме

«Карл прислал мне это письмо с оказией, прочитав мою книгу «Иди на Голгофу»... Должен признаться, что это письмо было для меня много ценнее, чем все литературные премии мира вместе взятые»

Академик РАН Геннадий Осипов: Радуюсь за молодых – им предстоит открыть Зиновьева

Хочу сказать несколько слов от души и сердца о том, чьим именем назван журнал, обративший ко мне с интервью.

Я с огромным уважением и пиететом относился и отношусь к Александру Александровичу Зиновьеву, чьи сложные жизненные пути неоднократно пересекались с моими. Будучи ученым секретарем Института философии АН СССР, я в свое время принимал его на работу в это ведущее философское научное подразделение. Прошло много лет, и мы вместе написали и опубликовали совместную работу, поддерживающие Белоруссию, ее Президента, над которыми нависла угроза очередной на постсоветском пространстве «оранжевой революции».

При жизни мы часто оцениваем тех, кто находится с нами рядом, излишне буднично. Живет Александр Александрович Зиновьев – и славно. И очень часто не отдаем себе отчета в том, что рядом с нами на протяжении ряда лет находится по сути живой классик, выдающийся ученый, гений человечества. И воздаем должное таким недооцененным при жизни уникамам лишь после того, как они уйдут из нее.

А.А.Зиновьева на мой взгляд можно поставить с одним рядом с Салтыковым-Щедриным, Гоголем, Чеховым, Булгаковым, иными выдающимися мастерами литературной сатиры. Именно посредством сатиры, саркастического смеха он выявлял и приковывал к символическому позорному столбу советских чинуш периода застоя, псевдоученых, а позднее и псевдодемократов перестроечного и постперестроечного набора. Являясь убежденным критиком системы, он вместе с тем любил и чутко хранил в душе своем образ родной России, переживал за нее, вернулся из вынужденной эмиграции, когда только-только пали оковы партийного коммунистического тоталитаризма. Он всегда различал Россию и впавший в летаргический сон

СССР поздних времен. «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Это горькое и вместе с тем мужественное признание Зиновьева будет повторять не одно поколение русских патриотов.

Но если его литературные произведения известны многим в Отечестве и за его пределами, то научный талант А.А.Зиновьева еще пока недостаточно оценен. А ведь его выдающийся труд «Логика» вполне сравним с такими книгами-коLOSSами как «Поэтика» Аристотеля, как «Обратная перспектива» о Павла Флоренского, как сравнимого с ними уровнем работами философов древности и современности.

После эмиграции Александра Александровича Зиновьева, примерно лет через двадцать, судьба свела меня с ним в Мюнхене. Пообщавшись с ним в свободной доверительной обстановке, побеседовав с очаровательной супругой Александра Александровича Ольгой Мироновой, я понял, что, физически живя в столице Баварии, он душой, мыслями и сердцем продолжает жить в России, в Москве, что проблемы Родины волнуют его много больше окружающих его немецких дел. Тогда и созрела мысль помочь ему вернуться на Родину.

Так А.А.Зиновьев снова обрел горячо любимую Родину.

Александр Александрович Зиновьев относится к тем русским людям трагической и одновременно прекрасной судьбы, чья личность раскрывается не сразу, а на протяжении продолжительного времени. Это случается, когда человек в чем-то опередил свое время, и требуется вхождение в активную научную, литературную, общественную жизнь новых поколений, чьи взгляды, чье миропонимание окажется ближе, понятней наследию великого ученого и художника. Что ж, можно в таком случае только порадоваться за будущие поколения соотечественников. Им предстоят новые прекрасные открытия выдающейся личности...